

АНТИЛАТИНСКАЯ ПОЛЕМИКА И КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО ДРЕВНЕЙ РУСИ (XI-XII ВЕКА)

Костромин К.А.

Санкт-Петербургская Духовная Академия

Формирование древнерусских церковных институтов невозможно представить и описать без детального рассмотрения вопросов и проблем канонического права. Традиционно принято считать, что древнерусское церковное право было наследницей и прямой преемницей византийских норм. Однако исследования Я.Н. Шапова и ряда современных авторов призывают посмотреть на данный тезис более сдержанно. Основаниями для такого отношения может служить не только содержание самих древнерусских канонических источников, но и возможные мотивы их возникновения. Тем не менее последняя сторона канонических памятников русской древности пока не получила детальную разработку в научной историографии. В представленной статье предпринята попытка анализа некоторых причин и условий введения древнерусских канонических сводов в контексте современной им антилатинской полемики XI-XII вв.

Ключевые слова: *Киевская Русь, Церковное право, Русская Православная Церковь, церковный суд, антилатинская полемика.*

ANTI-LATIN POLEMIC AND INITIAL RIGHT OF ANCIENT RUSSIA (XI-XII CENTURY)

Kostromin K.A.

Formation of Old Russian church institutes can't be presented and described without detailed consideration of questions and problems of the initial right. It is traditionally considered to be that the Old Russian ecclesiastical law was the successor and the direct successor of the Byzantine norms. However researches Ya.N. Shchapov and a number of modern writers is urged to look at this thesis more frostily. Can form the bases for such relation not only the maintenance of Old Russian initial sources, but also possible motives of their emergence. Nevertheless the last party of initial monuments of the Russian antiquity didn't receive detailed development in a scientific historiography yet. In the presented article an attempt of the analysis of some reasons and conditions of introduction of the Old Russian initial arches in the context of modern by it anti-Latin polemic of the XI-XII centuries.

Keywords: *Kievan Rus, Church right, Russian Orthodox Church, church court, anti-Latin polemic.*

Говоря о каноническом праве в Древней Руси, необходимо выделить несколько принципиальных моментов, которые позволят увидеть правовую ситуацию через призму принципа историзма. Каноническое право, как и любая иная отрасль права, живет в непрерывном развитии. Право развивается, быстро меняясь, адаптируясь к реалиям сегодняшнего дня, отвечая на насущные проблемы современности, апеллируя, в то же время, к нормам прошлого, оставаясь одним из базовых связующих звеньев современности с традицией, сложившейся в течение длительного времени. В этом случае,

как бы право не было бы предельно актуализировано, оно всегда будет апеллировать к нормам общественных отношений, имевших место в прошлом [4].

Если право как таковое это порядок, регулирующий отношения отдельных лиц в обществе, то оно призвано отвечать на живую потребность сегодняшнего дня, в актуальной форме отвечая на необходимость правового разрешения складывающихся ситуаций [11, с. 16, 123]. Обновляется его содержание, меняются правовые нормы и формы правовых документов. Если правовая нормативная база перестает обновляться, то это означает смерть данной системы права. После революций 1917 года каноническое право как действующая система практически перестала существовать, поскольку применение правовых норм возможно только внутри государства, так как они имеют государственное значение [10, с. 56-57]. Со времени принятия кн. Владимиром христианства и до отречения имп. Николая II церковь так или иначе была государственным институтом, а христианство было государственной религией, что в том числе обеспечивало действенность церковных правовых институтов. Когда каноническое (церковное) право было действующим правом в рамках государственного регулирования общественных отношений (применительно к России этот период закончился с изданием декрета Совета народных депутатов об отделении церкви от государства), оно в некоторой степени подчинялось этому принципу. Поэтому сегодня, когда каноническое право призвано быть внегосударственной правовой системой, его действенность и легитимность остаются под вопросом, а сама по себе правовая тематика перешла из области насущной жизни в область истории как изучения явлений прошлого.

В результате в истории правоприменения сохранилось огромное количество документов, совершенно различных по форме и назначению, не говоря уже о содержании, которые использовались в качестве документации, имеющей юридическое значение. Большое значение имел (а в рамках исторической науки – имеет и до сих пор) вопрос актуализации юридической документации. Отсев отживших норм и упорядочение действующих обычно происходит в форме инкорпорации или кодификации права, которые исходят из практики правоприменения. Если право государственное кодифицируется или инкорпорируется более или менее регулярно, церковное право делало это редко и диспропорционально [2, с. 34-37]. Для древнерусского церковного права свойственна была только первая – создание правовых сборников с включением в них фрагментов или полных сводов канонических предписаний. При этом в самой Древней Руси церковное правотворчество было развито чрезвычайно слабо. Подавляющее большинство нормативных документов было доставлено из Византии и переведено с греческого языка на славянский часто даже не на Руси, как например известная Сербская Кормчая, принятая во всеобщее употребление на соборе Русской церкви в 1272 году. В русском церковном праве действовали (действуют) или прекращали (прекращают) свое действие различные нормы в разное время, причем узнать об этом можно, только изучая церковную правоприменительную практику.

Церковное право крайне редко кодифицировалось. Если в Византии, будучи связано с римским правом (например, в форме законодательных актов эпохи Юстиниана), оно проходило кодификацию по воле государственной власти несколько раз (причем иной раз трудно сказать, происходила ли каждый раз полноценная кодификация или в ней нужно наблюдать также в большей или меньшей степени очевидные элементы инкорпорации): кодекс Юстиниана, Синописис, Синтагма, Синагога, Номоканоны, Пандекты и Тактион Никона Черногорца и прочие [13, с. 80-88], то на Руси первым церковно-юридическим памятником, который можно было бы назвать именно кодексом (хотя и с натяжкой), стал Стоглав. Данный тезис неизбежно приводит к выводу, что вопрос о характере действия церковных правовых норм в Древней Руси должен решаться иначе. Это побуждает нас провести своеобразную ревизию тех памятников церковного права, с которыми, насколько это известно в исторической науке, были знакомы в Киевской Руси.

Различные канонические документы имели (имеют) разную степень авторитетности и актуальности. Казалось бы, самый авторитетный сборник – правила святых апостолов, вселенских и ряда поместных соборов, а также нескольких святых отцов – содержит нормы, большей части отжившие и сохраняющиеся разве только как прецедент, применяющийся по аналогии, или как собрание норм, к которым обращаются для обоснования карательных юридических мер [1]. К действовавшим сборникам канонических норм прежде всего принадлежат синопсисы ранее кодифицированного права и постановления соборов. С момента появления официальных уставов и архиерейских грамот или указов, они также включались в систему правовой документации, хотя уставы изначально имели несколько иную от непосредственно юридической функцию. Однако некоторые типы документов стали привлекаться в качестве правовых памятников позднее, например, архиерейские частные или циркулярные послания. Кажется, применение их в праве обуславливалось не только тем, что их автором был носитель реальной власти, но и по аналогии с применением посланий апостола Павла в правовой сфере в качестве источника права. Поскольку данная статья посвящена древнерусской правовой проблематике, древние (позднеантичные) и современные нормативные документы можно не учитывать.

Столь обширное введение общеправового содержания необходимо для того, чтобы обозначить проблему, поднимаемую в статье. Разумеется, что Русская церковь в начальный период своего существования, во всяком случае до появления сербской Кормчей 1262 года [14, с. 242-245], не участвовала в кодификационном процессе, а получению правовых памятников непосредственно из Византии препятствовал языковой барьер, который преодолевался не системным переводом правовой документации, а «затыканием дыр» через случайные заимствования, создание своих текстов на основе или по мотивам византийского, а то даже отчасти и западного церковного права. Появление неких (неизвестных в настоящее время доподлинно) статей номоканона в XI веке, упоминавшихся в «Церковном уставе князя Владимира» [15, с. 15], не могло решить проблемы правовой лакуны в бытовании церкви в Древней Руси.

Поэтому прежде чем приступить к изучению проблемы сочетания антилатинской полемики и канонического права, необходимо хотя бы отчасти определить, какие нормы церковного канонического права были известны и могли быть применены на Руси в период XI-XII веков, а также какие из этих норм могли быть отнесены к сфере разграничения межцерковных связей, особенно в контексте международных конфликтов.

Рассматривая проблему в глобальном масштабе, мы должны отметить, что в Русской церкви в конце X – начале XII веков правовые документы появлялись редко и не в полном объеме из Византии. Византийские канонические сборники, такие как Синопсис, Синтагма, Синагога, отдельные подборки из Кодекса, Дигестов, Институций или Новелл (за исключением того, что попало в состав Номоканона XIV титулов), судя по всему, не использовались в Киевской Руси. В книжности XI и начала XII веков практически нет следов детального знакомства с каноническим правом Византии (мы пока исключаем конкретных митрополитов-греков, которые должны были хотя бы в общих чертах знать каноническое право). Единственный памятник, в котором засвидетельствовано знание о существовании Номоканона – Церковный устав князя Владимира. Русь до появления Кормчей 1262 года едва ли была знакома с базовым правовым наследием Византии. Либо Кормчая книга все-таки уже была, пусть не широко, известна на Руси и ранее, либо отрывки из нее (обычно говорят о переводе при Ярославе Номоканон XIV титулов дофотиевской редакции) [14, с. 234-236]. Утверждения, что будучи одной из митрополий Константинопольской патриархии, Русская церковь «руководствовалась теми же «Номоканонами», что и Константинопольская Церковь» [13, с. 129], голословны и не более чем декларативны.

Уставы князя Владимира и Ярослава Мудрого – основные правовые памятники XI века – не содержат антилатинских глав. Этот момент важно учитывать в контексте споров, которые велись в научном сообществе, относительно времени создания этих текстов. На сегодняшний день считается, что эти Уставы, хотя и появились в XI веке, со временем получили дополнения и искажились, что выясняется при сравнении их с реалиями XI или XIV века [16, с. 28-38].

Судя даже по этим поверхностным наблюдениям, можно сделать вывод, что правовые вопросы в Древней Руси были строго распределены по отраслевому признаку и принципу происхождения. Автономными «отраслями» права были светское право, княжеское право в отношении церкви и собственно церковное (или внутрицерковное) право. Первое и второе были отечественным продуктом, хотя в княжеских церковных уставах и упоминается использование греческого Номоканона. Светское право (Русская Правда и родственные ей кодексы) принципиально не содержат статей, касающихся религии и церкви. Княжеские церковные уставы определяли имущественно-правовые вопросы существования церкви в светских княжествах и определяли церковную судебную юрисдикцию, а также содержали конкретные нормы, которые церковь должна была применять в суде своей юрисдикции (т.е. князь не только обозначал область юрисдикции, но и сам утверждал правовую базу для деятельности церковного суда) [5, с. 81-82]. Таким образом, церковь по большому счету не сильно нуждалась в рецепции византийского церковного права, тем более что и оно создавалось в большей степени императорскими постановлениями и кодексами, в качестве источника имело светскую власть и ориентировалось на византийские историко-правовое наследие и политико-экономические реалии.

Говоря о проблеме сочетания антилатинской полемики и канонического права, необходимо хотя бы в общих чертах определить, какие нормы реально действующего церковного права были известны и могли быть применены на Руси в период XI-XII веков, а также какие из этих норм могли быть отнесены к сфере разграничения церковных связей, особенно в контексте международных конфликтов с участием церкви (как например, конфликт византийцев (греков) и римлян с немцами (латинянами). Если изучить состав Номоканона XIV титулов дофотиевской редакции, то в нем никаких статей антилатинского содержания или вообще статей, которые могли быть применены даже по аналогии, не было и не могло быть [3, с. 57-61]. Нет их и в княжеских церковных уставах Владимира и Ярослава [15].

Антилатинские статьи есть только в трех правовых памятниках, все три были созданы греками-архиереями на Руси:

- Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа (между 1062 и 1073 г.) [2];
- Ответы Иоанна, митрополита Русского, Иакову черноризцу (около 1083/84 г.) [9, стб. 1-20];
- Ответы Нифонта, епископа Новгородского, на вопросы Кирика, Саввы и Илии (между 1130 и 1156 г.) [9, стб. 21-62].

Вызывает вопросы, почему вплоть до конца XIII века не появилось более актуальных и более значимых (например, соборных) нормативных актов, регламентирующих отношения с западными христианами, а также то, что имеющиеся памятники были созданы в сравнительно короткий период (около 90 лет), тогда как в последующие сто с лишним лет никаких правовых документов создано не было. При этом объяснения отсутствия в этот период полемических памятников применительно к канонической тематике применимы лишь частично, поскольку в полемике значительно большую роль играют законы психологии и социологии, а в правовой области – законы логики, и эффект, в одном случае оказавшийся достаточным, в ином случае может оказаться не достигнутым. Если общественное мнение к середине XII века было в общем сформировано или его дальнейшее формирование в нужном направлении уже более не

волновало греков-иерархов, то в области права необходимы именно четкие правовые нормы, каковых так создано и не было. Впрочем, и функционирование церковного суда в Киевской Руси, надо думать, не было частым и безупречным с точки зрения применения канонов [6].

Если ответ на первый вопрос дать затруднительно, то второй можно сформулировать иначе, чтобы на него можно было хотя бы частично ответить. Переформулировать его можно так: а зачем вообще понадобилось составлять хотя бы и ответы с вопрошаниями как частное мнение иерархов, впоследствии обретающее значение нормативного акта? Вероятно, создание таких текстов указывает на то, что греки, приезжавшие на Русь и сталкивающиеся здесь с тем, что византийское церковное право, как актуальное, так и устаревшее, не используется на Руси, вынуждены были разработать ряд норм для местного применения, исходя из местных реалий. Местные же реалии указывали на позитивный характер русско-европейских церковных взаимосвязей в эпоху конфликта между Константинополем и Римом [8] (обратим внимание: церковного конфликта, почти независимого от экуменико-миротворческой политики императора Алексея Комнина). Даже в самой Византии, где конфликт развивался полным ходом, необходимые канонические правила (в основном касавшиеся литургико-канонической практики, такой как чинопоем католиков в Православие) появились заметно позднее. Сама по себе конфликтная ситуация была достаточным аргументом в политике, чтобы назрела острая необходимость в создании соответствующих правовых норм. Тогда кажется неслучайным, что именно на Руси впервые были созданы антилатинские правовые нормы, а также почему не появилось и постановлений, созданных более авторитетными властными органами.

Априорный правовой статус архиерейских посланий и включение в канонические сборники, хотя и в несколько более позднюю эпоху, «обыкновенных» полемических произведений (таких как послание митрополитов Иоанна и Никифора, а также Слово о вере латинской Феодосия грека, приписанное преподобному Феодосию Печерскому [7]) привели к тому, что канонический статус был постепенно придан всему (насколько он оказался распространен) корпусу антилатинских произведений, бытовавших на Руси. В связи со сказанным, можно утверждать, что после создания всех антилатинских произведений, и полемико-литературных, и канонико-правовых, в течение второй половины XI – первой половины XII века прекращение этого процесса в разгар охлаждения отношений с Западом в последующее время было вызвано тремя причинами:

- отношения уже были настолько испорчены, что их интенсификация посредством создания новых правовых документов более не требовалось: status quo во внешней политике Руси второй половины XII века напоминал аналогичные тенденции византийской политики;
- «рынок» антилатинских произведений был уже вполне насыщен; одновременно с этим, в условиях распада древнерусского государства авторская церковная литература испытала очевидный кризис (на первый план вышли народный эпос и безымянное летописание), так что сочинять новые антилатинские произведения оказалось просто не кому;
- регионализация и сокращение масштаба государственного правотворчества в отношении церкви (вплоть до всплеска правового самоопределения церкви в конце XIII века), выразившаяся в смене митрополичьих посланий епископским, а затем и полным исчезновением данного жанра из актуального литературного творчества, в смене великокняжеских уставов княжескими локальными грамотами, привели к тому, что процесс кодификации права стал в некоторой степени хаотическим и неуправляемым, спровоцировав включение уже имеющихся антилатинских произведений в состав сборников действующего канонического права.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адельгейм П., прот.* Реанимация церковного суда // Вера - диалог - общение: проблемы диалога церкви и общества. Материалы Международной научно-богословской конференции (Москва, 29 сентября – 1 октября 2004 г.): Памяти С.С. Аверинцева. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2005. С. 440-449.
2. *Белякова Е. В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: «Духовная библиотека», 2004. 664 с.
3. *Бенешевич В. Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкования. СПб, 1906.
4. *Бондар А.В.* Традиции российской государственности и права человека // Власть. 2008. № 10. С. 39-45.
5. *Гайденко П.И.* Церковный устав Ярослава как свидетельство религиозно-политической жизни Киевской Руси // Вестник Челябинского государственного университета: История. Выпуск 23, 2008. 5(106). С. 80-85.
6. *Гайденко П.И., Филиппов В.Г.* Церковные суды в Древней Руси (XI – середины XIII века): несколько наблюдений // Вестник Челябинского государственного университета: История. Выпуск 45. 2011. 12 (227). С. 106-116.
7. *Костромин К., свящ.* Проблема атрибуции «Слова Феодосия, игумена Печерского, о вере крестьянской и о латыньской» // Христианское чтение. №1 (36). СПб.: СПбПДА, 2011. С. 6-97.
8. *Костромин К.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.). Страницы истории межконфессиональных отношений. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2013.
9. Русская историческая библиотека. Т. 6. Ч. 1: Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1880.
10. *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995.
11. *Трубецкой Е. Н.* Энциклопедия права. СПб.: Лунь, 1998.
12. *Турилов А. А.* Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа – древнейшее русское «вопрошание» // Славяне и их соседи. Вып. 11. Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. С. 211-262.
13. *Цыпин В., прот.* Курс церковного права. Клин: Христианская жизнь, 2004.
14. *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI-XV вв. М.: Наука, 1978.
15. *Щапов Я. Н.* Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. М.: Наука, 1976.
16. *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI-XIV вв. М.: Наука, 1972.